

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ОСОБОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО РАЙОНА ГОНКОНГ КАК ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ В СОСТАВЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ: АКТУАЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ ТРАНСФОРМАЦИИ

© 2021 г. И. В. Ирхин

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

E-mail: dissertacia@yandex.ru

Поступила в редакцию 02.11.2020 г.

Аннотация. В статье рассмотрен генезис становления и развития Гонконга в составе Китайской Народной Республики, проанализирован конституционно-правовой статус системы органов публичной власти данного района и правовое регулирование их взаимоотношений с властями центральной части КНР. Сделан вывод о том, что определяющими детерминантами квалификации Гонконга в качестве территориальной автономии являются аутентичная правовая система, финансово-экономический и международно-правовой статус. Подчеркивается, что модель конституционно-правового регулирования статуса Гонконга характеризуется «ползучим» раздвоением формального и фактического подходов к интерпретации сферы компетенции данного района, что привело к массовым протестным акциям (2019–2020 гг.), отчасти инспирируемым реакциями некоторых зарубежных акторов. Сформулированы выводы о конвергенции конституционно-правового режима территориальной автономии с принципами государственного единства и территориальной целостности.

Ключевые слова: КНР, Гонконг, публичное право, территориальная автономия, публичная власть, национальная безопасность.

Цитирование: Ирхин И.В. Конституционно-правовой статус особого административного района Гонконг как территориальной автономии в составе Китайской Народной Республики: актуальные траектории трансформации // Государство и право. 2021. № 8. С. 120–137.

DOI: 10.31857/S102694520012493-3

CONSTITUTIONAL-LEGAL STATUS OF THE SPECIAL ADMINISTRATIVE REGION OF HONG KONG AS A TERRITORIAL AUTONOMY WITHIN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA: CURRENT TRAJECTORIES OF TRANSFORMATION

© 2021 I. V. Irkhin

Kuban state University, Krasnodar

E-mail: dissertacia@yandex.ru

Received 02.11.2020

Abstract. In this article examines the genesis of the formation and development of Hong Kong as part of the People's Republic of China, analyzes the current constitutional-legal status of the system of public authorities in this region and the problems of legal regulation of their relationship with the authorities of the central of the PRC. Author is concluding that the determining determinants of Hong Kong's qualifications as territorial autonomy are

the authentic legal system, financial-economic and international-legal status. Also is emphasized that the model of the constitutional-legal regulation of the status of Hong Kong is characterized by a "creeping" bifurcation of formal and actual approaches to interpreting the area of competence of this region, which led to mass protest actions (2019–2020), partly inspired by the reactions of some foreign actors. In final of article author is formulated thesis on the convergence of the constitutional-legal regime of territorial autonomy with the principles of state unity and territorial integrity.

Key words: China, Hong Kong, public law, territorial autonomy, public authority, national security.

For citation: Irkhin, I.V. (2021). Constitutional-legal status of the special administrative region of Hong Kong as a territorial autonomy within the People's Republic of China: current trajectories of transformation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8, pp. 120–137.

В современной мировой конституционно-правовой практике сформировано значительное количество территориальных автономий. В.Е. Чиркин указывал, что «существует более 200 автономных образований, выделяются до 40 их разновидностей»¹. Среди них особое место занимает особый административный район Гонконг, обладающий уникальными конституционно-правовыми характеристиками, детерминированным комплексом аутентичных исторических, правовых и финансово-экономических факторов.

Гонконг был включен в состав КНР на основании межгосударственного соглашения², соответствующих декретов председателя КНР и решений Всекитайского собрания Народных Представителей (далее – ВСНП).

19 декабря 1984 г. китайское и британское правительства подписали Совместную декларацию по Гонконгу, согласно которому правительство КНР продолжит осуществление суверенитета над Гонконгом с 1 июля 1997 г., реализуя, таким образом, стремление китайцев к воссоединению³.

В 1990 г. был принят Основной закон особого административного региона Гонконг Китайской Народной Республики⁴, в основу которого была положена вышеуказанная Совместная декларация⁵.

¹ Чиркин В.Е. Территориальная организация публичной власти. М., 2017. С. 138, 141.

² Официальное название – Совместная декларация Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Правительства Китайской Народной Республики по вопросу о Гонконге (см.: Joint Declaration of the Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Government of the People's Republic of China on the Question of Hong Kong, 1984. URL: <https://www.elegislation.gov.hk/hk/capA301?tab=m> (дата обращения: 25.08.2020)).

³ См.: ibid.

⁴ См.: The Basic Law of the Hong Kong Special Administrative Region of the People's Republic of China, 1990. URL: www.basiclaw.gov.hk/en/basiclawtext/index.html (дата обращения: 24.08.2020).

⁵ При этом необходимо учитывать, что данные акты в полной мере не дублируют друг друга.

К.А. Кокарев отмечает, что «образование Сянганского (Гонконгского) особого административного района КНР представляло собой длительный процесс, насыщенный сложными переговорами, важными решениями и мерами в интересах обеспечения плавного перехода бывшей британской колонии под суверенитет КНР»⁶.

П.М. Иванов указывает, что «английской стороне пришлось считаться с тем, что КНР заявила о решимости объявить свой собственный план воссоединения, если двустороннее соглашение по Гонконгу не будет достигнуто. Толчок успешному развитию переговоров дало послание М. Тэтчер Чжао Цзяну, в котором говорилось о готовности Великобритании отказаться от суверенитета в случае китайских гарантий сохранения в колонии статус-кво»⁷.

В данном аспекте примечательно то, что население Гонконга не было привлечено к участию в обсуждении и утверждении положений Основного закона. Фактически данный акт был представлен Гонконгу в итоговом варианте без учета мнения (интересов) населения этого района. В определенной мере такой подход предопределяется действовавшей в период колониализма позицией британских властей к ограничению возможности реализации демократических прав населением данного района⁸.

⁶ Кокарев К.А. Политический механизм особых автономий Китая. М., 2004. С. 5.

⁷ Иванов П.М. Гонконг: история и современность. М., 1990. С. 198.

⁸ В литературе указывается, что в состав комитета, который занимался разработкой проекта Основного закона Гонконга, 12 из 20 мест, зарезервированных для Гонконга, заняли крупные капиталисты, обладающие возможностью смоделировать институты под свои перспективные интересы (см.: Scartozzi C. Political reforms vs. Undemocratic Institutional Arrangements in Hong Kong // Seoul National University Journal of International Studies. 2017. Vol. 2. P. 5. URL: https://mpira.ub.uni-muenchen.de/91325/1/MPRA_paper_91325.pdf (дата обращения: 25.08.2020)). В свою очередь, согласно Белой книге «Практика реализации политики "Одна страна, две системы"» в Гонконге в составе рабочего комитета по разработке проекта Основного закона Гонконга 23 из 59 участников представляли различные группы гонконгского общества. Комитет также уполномочил представителей

П. В. Трошинский подчеркивает, «что в период колониального господства Великобритании над Гонконгом речи о демократии не шло. Население Сянган не допускалось к управлению государственными делами, все свободы жителей жестко ограничивались требованием соблюдать колониальное законодательство. Губернатор, члены Законодательного Совета назначались английской короной. Гонконгцы не участвовали в выборах. В отношении китайцев, проживавших в Гонконге, действовали многочисленные дискриминационные запреты»⁹.

Одна из главных особенностей конституционно-правового статуса Гонконга — подлежащая применению на его территории капиталистическая модель финансово-экономических отношений, действующая на фоне социалистического режима КНР (принцип «одно государство, две системы»). Необходимо отметить, что такой подход не имеет аналогов в мировой практике институционализации конституционно-правовых статусов территориальных автономий (исключая Макао).

Вместе с тем действие указанного принципа ограничено во времени. Статья 5 Основного закона устанавливает, что в течение 50 лет (до 2047 г.) социалистическая система и политика не должны практиковаться в Гонконге, а предшествующая капиталистическая система и образ жизни должны оставаться неизменными.

Я. Гай указывает, что «главная цель Основного закона заключается в сохранении определенной капиталистической модели: колониальная система, которая предусматривает преимущества свободной экономики, сильной администрации, государственного управления на основе кооптации бизнес-элиты. Вместе с тем демократическая составляющая оставлена на втором плане. В свою очередь, режим автономии важен, однако он является

средством достижения более общей цели (демократии)»¹⁰. Следует отметить, что отсутствие демократических условий также не позволит сформировать конституционно-правовой режим автономии.

В Конституции КНР¹¹ о Гонконге не упоминается. Статья 31 указанного документа только определяет, что государство в случае необходимости создает особые административные районы. Режим особых административных районов устанавливается с учетом конкретной обстановки законами, принимаемыми ВСНП.

Буквальный анализ данной фабулы свидетельствует о том, что ВСНП обладает весьма обширными возможностями регуляции конституционно-правового статуса Гонконга. Определенным сдерживающим фактором расширения дискреции ВСНП являются положения Совместной декларации¹², однако необходимо учитывать, что содержащиеся в ней критерии не определяют точные параметры подлежащего применению в Гонконге конституционно-правового режима. Кроме того, ввиду пространности норм этого документа не исключаются риски вариативных версий интерпретационных практик, адаптивных актуальной конъюнктуры. В этом контексте усматривается определенная уязвимость гарантий конституционно-правового статуса Гонконга.

В литературе Гонконг именуется «квазигосударством в рамках унитарного и социалистического государства»¹³, «территориальной автономией»¹⁴, «нетрадиционной моделью территориальной

¹⁰ Ghai Y. Hong Kong's New Constitutional Order: The Resumption of Chinese Sovereignty and the Basic Law. 2nd ed. Hong Kong, 1999. P. 139, 140, 184.

¹¹ См.: Конституция КНР 1982 г. (в ред. 2018 г.). URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (дата обращения: 25.08.2020).

¹² Принимая во внимание, что Совместная декларация фактически является международным договором, заключенным между КНР и Великобританией, следует с оговоркой принимать во внимание довод о том, что «китайское правительство не советовалось с Великобританией о положениях Основного закона, поскольку исходило из того, что данный документ является исключительно актом национального права» (см.: Legal Issue relating Democratic Participation in Hong Kong. P. 10). Несмотря на то что Основной закон — акт национального права, его содержание предопределено договоренностями, отраженными в Совместной декларации.

¹³ Goncalves A. Hong Kong and Macau Special Administrative Regions: The Downfall of The "One Country, Two Systems" Policy // International Journal of Humanities and Social Science. 2019. Vol. 9. No. 10. P. 14.

¹⁴ Sukri M. Sub-State Governance through Territorial Autonomy: A Comparative Study in Constitutional Law of Powers, Procedures and Institutions. Berlin, Heidelberg, 2011. P. 647; Cardinal P., Zhang Y. Subnational Constitutionalism in the Sars of the People's Republic of China. An Exceptional Tailored Model // Perspectives on Federalism. 2012. Vol. 3. P. 103.

Гонконга на создание консультативного комитета из 180 членов для сбора и обобщения мнений населения района (см.: The Practice of the 'One Country, Two Systems' Policy in the Hong Kong Special Administrative Region. Information Office of the State Council the People's Republic of China June 2014, Beijing. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2014/08/23/content_281474982986578.htm (дата обращения: 25.08.2020)). В другой работе отмечается, что Основной закон был разработан комитетом, состав которого был сформирован китайским правительством. При этом большинство членов комитета были с материковой части КНР и только некоторые члены из Гонконга (см.: Legal Issue relating Democratic Participation in Hong Kong. Scoping Report, 2014. P. 10. URL: https://www.researchgate.net/publication/267151536_LEGAL_ISSUES_RELATING_TO_DEMOCRATIC_PARTICIPATION_IN_HONG_KONG (дата обращения: 25.08.2020)).

⁹ Трошинский П. В. Современная правовая система Гонконга // Труды ИГП РАН. 2016. № 2. С. 197; см. также: Flaherty M. Hong Kong Fifteen Years after the Handover: One Country, Which Direction? // Columbia Journal of Transnational Law. 2013. Vol. 51. P. 277, 278.

автономии»¹⁵, как «нечто среднее между ассоциированным государством и территориальной автономией»¹⁶, подчеркивается, что «степень автономии Гонконга сопоставима с объемом компетенции субъектов некоторых федеративных государств (США, ФРГ), а по ряду аспектов является более обширной»¹⁷. Отмечается также, что «по сравнению с другими территориями КНР, Гонконг обладает высоким уровнем автономии»¹⁸, указывается, что «Гонконг представляет собой редкий случай, когда локальное сообщество, которое является частью этнического большинства суверенного государства, приобрело статус автономного района, тогда как большинство населения в рамках этого же государства автономией не обладает»¹⁹.

Территориальную автономию мы предлагаем рассматривать в качестве правового режима и формы территориальной организации внутригосударственного территориального объединения.

В качестве правового режима территориальная автономия представляет собой предусмотренный правовыми нормами порядок регулирования статуса территориального образования, основывающийся на принципах признания идентичности социальных групп и (или) специфических особенностей территорий и выражающийся в специфике способов и гарантий реализации, охраны и защиты этого статуса.

В рамках Гонконга создана особая правовая система. Так, помимо китайского и местного права, в т.ч. обычного права, на территории района сохраняют юридическую силу ранее действовавшее британское право (общее право, право справедливости, ордонансы, подзаконные акты, обычное право) (ст. 8 Основного закона Гонконга). Кроме того, в границах Гонконга подлежат применению акты международного права, которые не действуют на материковой части КНР (например,

Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.). В своем единстве синтез указанных источников (форм) права дает основания для признания аутентичной (гибридной) правовой системы Гонконга.

В этом плане спорными представляются доводы о том, что «правовая система Гонконга может быть отождествлена с «англо-американской правовой семьей»»²⁰ или «с семьей общего права»²¹ (при бесспорности наличия между ними характерных сходств).

Как форма территориальной организации территории, территориальная автономия представляет собой элемент государственно-территориального устройства, характеризующийся особой, специфической системой взаимоотношений автономии с центральной государственной властью, отличной от тех, что складываются в системе отношений с государственной властью регионального уровня и публичной властью муниципальных образований, а также расширенной по сравнению с иными внутригосударственными образованиями компетенцией в сфере локального самоуправления в рамках нормативно (конституционно) зафиксированного перечня вопросов, гарантированного государством.

Базовым документом, определяющим конституционно-правовой статус Гонконга, является его Основной закон²². Примечательно то, что этот документ одновременно является актом национального права (принят ВСНП) и фактической Конституцией²³ (мини-конституцией относительно Конституции КНР²⁴) Гонконга.

Статья 3 данного акта устанавливает, что ВСНП уполномочивает Гонконг на осуществление

¹⁵ *Cardinal P., Zhang Y.* Op. cit. P. 133, 134. Непринадлежность к классической модели территориальной автономии обуславливается степенью, объемом и природой режима автономии Гонконга.

¹⁶ *Goncalves A.* A Paradigm of Autonomy: The Hong Kong and Macau SARs // *Contemporary Southeast Asia*. 1996. Vol. 18. No. 1. P. 46.

¹⁷ *Chen A.* The Theory, Constitution and Practice of Autonomy: the Case of Hong Kong. P. 7; *Goncalves A.* Hong Kong and Macau Special Administrative Regions: The Downfall of the "One Country, Two Systems" Policy. P. 14.

¹⁸ *Cheung A.* From Colony to Special Administrative Region: Issue of Hong Kong's Autonomy within a Centralized State // *Law and Politics in Africa, Asia and Latin America*. 1998. Vol. 31. No. 3. P. 305.

¹⁹ *Xiaobing X., Wilson G.* The Hong Kong Special Administrative Region as a Model of Regional External Autonomy // *Case Western Reserve of International Law*. 2000. Vol. 32. P. 6. URL: <https://scholarlycommons.law.case.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1481&context=jil> (дата обращения: 25.08.2020).

²⁰ *Петрыкина Н. И., Тюрина Д. Д.* Нетрадиционная модель административной автономии КНР – Гонконг. Взгляд российского исследователя // *Административное право и процесс*. 2019. № 3. С. 4, 5.

²¹ *Martin T.* Hong Kong Right of Abode: Ng Siu Tung & (and) Others v. Director of Immigration – Constitutional and Human Rights at the Mercy of China // *San Diego International Law Journal*. 2004. Vol. 5. P. 469.

²² См.: *Shigong J.* China's Hong Kong: A Political and Cultural Perspective. Singapore, 2017. P. 151; *Jgaveri S., Scully-Hill A.* Executive and legislative reactions to judicial invalidity in Hong Kong: Engagement, acceptance or avoidance // *International Journal of Constitutional Law*. 2015. Vol. 13. Issue 2. P. 507.

²³ См.: *Chan C.* Reconceptualising the Relationship between the Mainland Chinese Legal System and the Hong Kong Legal System // *Asian Journal of Comparative Law*. 2011. Vol. 6. P. 5.

²⁴ *Chan J.* Basic Law and Constitutional Review: The First Decade // *Hong Kong Law Journal*, 2007. P. 407. URL: <https://hub.hku.hk/bitstream/10722/87975/3/content.pdf?accept=1> (дата обращения 25.08.2020).

автономии высшей степени, а также на реализацию исполнительной, законодательной и независимой судебной власти, в том числе на право принятия окончательных решений в соответствии с положениями этого Закона.

Акты центральных органов власти по общему правилу не действуют на территории Гонконга, кроме тех актов, которые определены в Приложении № 3 к Основному закону (ст. 18). Постоянный комитет ВСНП может дополнить или удалить из Приложения 3 отдельные акты после консультации с Комитетом по Основному закону Гонконга²⁵ и правительством района. Законы, указанные в Приложении 3, должны ограничиваться вопросами обороны, внешней политики, а также иными вопросами, которые находятся вне пределов автономии Гонконга. Однако в случае, если Постоянный комитет ВСНП объявит войну или при возникновении беспорядков в Гонконге, которые угрожают национальному единству и безопасности и не могут быть устранены властями района самостоятельно, вводится режим чрезвычайной ситуации. В этом случае Госсовет КНР может принять акт, предусматривающий применение соответствующих законов на территории района. Указанный подход свидетельствует о нормативной фиксации возможности применения института федерального вмешательства, известного в практике конституционного регулирования внутригосударственных отношений во многих зарубежных странах²⁶.

Одновременно следует иметь в виду, что согласно Белой книге центральное правительство осуществляет всеобъемлющее (overall) правовое регулирование Гонконга, поэтому концепция принадлежности КНР остаточных полномочий не подлежит применению²⁷.

В то же время примечательно то, что ни в Конституции КНР, ни в Основном законе Гонконга не выделена сфера конкурирующей компетенции при условии, что в ряде сфер ее наличие усматривается (вопросы ведения регистра флота (ст. 125), гражданской авиации (ст. 128–135), инкорпорации национального законодательства согласно Приложению 3 (ст. 18)). Кроме того, в силу положений ст. 151 Основного закона Гонконг, используя имя «Гонконг, Китай», вправе поддерживать и развивать отношения, а также заключать соглашения с иностранными государствами, регионами,

международными организациями по ряду направлений деятельности.

Следует также обратить внимание, что к взаимоотношениям между КНР и Гонконгом подлежит применению принцип деволюции, поскольку допускается расширение объема компетенции района на основании ст. 20 Основного закона, которая предусматривает, что Гонконг может обладать иными полномочиями, предоставленными ВСНП или Госсоветом.

В этой связи нельзя в полной мере согласиться с мнением о том, что «формула разграничения полномочий между центром и Гонконгом простая, поскольку в ведении данного района находятся практически все вопросы, кроме обороны и иностранных дел. Сфера автономии Гонконга настолько обширна, что чрезвычайно мало случаев, при которых осуществление полномочий центрального правительства потребуется»²⁸.

Компетенция Гонконга имеет сложную конфигурацию, которая может варьироваться в зависимости от наступления дифференцированных условий, в т.ч. возникновения экстраординарных обстоятельств, позволяющих центральным властям КНР осуществлять дискреционное регулирование конституционно-правового статуса данного района.

Система органов публичной власти

Правовая система Гонконга основана на принципе сотрудничества властей (законодательная, исполнительная, судебная)²⁹.

В качестве органа законодательной власти действует Законодательный Совет, избираемый на основе всеобщего избирательного права сроком на четыре года в составе 70 членов. Примечательными особенностями обладает избирательная система, применяющаяся на выборах данного Совета. Его члены избираются поровну (по 35 человек) от территориальных и функциональных избирательных округов. Территориальные округа формируются по территориальному принципу с учетом нормативов сбалансированности представительства интересов проживающего в их пределах населения.

²⁸ Chen A. Op. cit. P. 9.

²⁹ В период работы над проектом Основного закона Дэн Сяопин подчеркивал «неприменимость «западного принципа» разделения властей в силу его несовместимости с национальной ситуацией в КНР и реалиями в Гонконге. Основной закон может восприниматься как определенная модель конституционного сотрудничества между тремя ветвями власти, предусматривающая подчинение институциональным прерогативам одной ветви другой при условии, когда это необходимо» (см.: Ip E. Op. cit. P. 584; см. также: Zhu G., Kouroutakis A. The Hong Kong Subconstitutional Model of Separation of Powers: The Case of Weak Judicial Review // Hong Kong Law Journal. 2017. P. 1, 3. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2967650 (дата обращения: 25.08.2020)).

²⁵ Комитет по Основному закону — консультативный институт, состоящий из двенадцати известных специалистов (шесть от Пекина, шесть от Гонконга), большинство из которых являются экспертами в области права.

²⁶ См.: Михайлова М. Ю. Федеральное вмешательство в зарубежных странах. М., 2005.

²⁷ См.: The Practice of the 'One Country, Two Systems' Policy in the Hong Kong Special Administrative Region.

Функциональные округа образуются по производственному критерию, в соответствии с которым обеспечивается представительство интересов различных отраслей народного хозяйства и профессий (сельское хозяйство, транспорт, образование, здравоохранение, туризм, финансы и другие секторы экономики, представители социальных и инженерных специальностей, архитектуры, рабочих, социальных служб и т.д.)³⁰.

Законодательный Совет осуществляет полномочия по принятию, изменению, отмене законов и иных правовых актов, проводит анализ и утверждает бюджет, устанавливает налоги и публичные расходы, принимает и обсуждает политические программы правительства, направляет вопросы правительству, обсуждает любые социально значимые вопросы, принимает решения о назначении или отставке судей Суда последней инстанции и главного судьи Высшего суда, может отправлять в отставку главу администрации Гонконга по решению двух третей от общего числа членов (ст. 73).

Необходимо отметить, что законы, принятые легислатурой Гонконга, должны быть направлены в Постоянный комитет ВСНП для регистрации и учета (при этом факт отправки не влияет на вступление законов района в силу). Однако, если Постоянный комитет ВСНП после проведения консультации с комитетом по Основному закону Гонконга придет к выводу, что принятый закон не соответствует положениям Основного закона в части вопросов, относящихся к сфере ответственности центральных органов власти, или отношений центральных властей и района, Постоянный комитет ВСНП вправе вернуть закон

и приложить к нему имеющиеся вопросы (однако внесение изменений не допускается). В этом случае возвращенный закон немедленно утрачивает юридическую силу. Фактически отмененный закон не обладает ретроактивностью, если иное не предусмотрено в законодательстве Гонконга.

Исполнительную власть в Гонконге возглавляет глава администрации, который подотчетен Госсовету КНР и особому административному району (ст. 43). Должность главы администрации власти может занять лицо, имеющее гражданство КНР, достигшее возраста 40 лет, являющееся постоянным жителем Гонконга, который постоянно и непрерывно проживает не менее 20 лет в Гонконге, не имеет право на проживание в иностранных государствах (ст. 44).

В силу ст. 45 Основного закона глава администрации избирается Избирательным комитетом, состоящим из 1200 человек³¹, и назначается Госсоветом КНР на срок пять лет не более двух раз подряд (ст. 46). Способ избрания определяется с учетом актуальной ситуации в Гонконге на основе принципа постепенного роста (gradual) и прогресса (orderly progress). При этом главная цель состоит в том, чтобы избрание главы администрации состоялось на основе всеобщего избирательного права с обеспечением широкого представительства и соблюдением демократических процедур.

Необходимо отметить, что установленные условия избрания и назначения главы администрации Гонконга в литературе нередко оцениваются критически, что в значительной мере обусловливается неопределенностью факторов, влияющих на выбор конкретной модели избрания, а также фиксацией главенствующего положения Госсовета КНР, позволяющего в директивном порядке квалифицировать (оценивать) электоральные решения. Кроме того, такой подход делает главу администрации полностью зависимым от центральных властей КНР.

Так, некоторые авторы утверждают, что «высокая степень автономии с трудом может быть ассоциирована с подлинным самоуправлением ввиду того, что назначаемый Госсоветом глава администрации Гонконга является представителем КНР в Гонконге»³². В данном аспекте необходимо отметить, что конституционно-правовой режим автономии не исчерпывается механизмом назначения главы исполнительной власти центром, хотя

³⁰ В литературе указывается, что функциональные округа являются пережитком колониального прошлого, когда члены легислатуры назначались и отражали не только интересы географически маркируемого округа, но и основных производственных групп (см.: *Jhaveri S., Scully-Hill A.* Executive and legislative reactions to judicial invalidity in Hong Kong: Engagement, acceptance or avoidance. P. 510). Отмечается, что функциональные округа в основном представляют коммерческий сектор. Избираемые от данных округов члены представляют весьма ограниченный круг интересов (по сравнению с избирательными округами, сформированными по географическому принципу) при условии, что обладают идентичным объемом прав в Законодательном Совете. Функциональные округа рассматриваются как проправительственные единицы, закономерным образом связанные с администрацией с целью обеспечения поддержки сохранения стабильных и благоприятных условий ведения бизнеса. Избираемые от этих округов члены Законодательного Совета именуются элитой (см.: *Jhaveri S.* Reconstitutionalizing Politics in the Hong Kong Special Administrative Region of China // *Asian Journal of Comparative Law*. 2018. Vol. 13 (1). P. 44; *Sadowski M.* The Rule of Law, the Rule of Conflict? Hong Kong and Democracy – Past and Present Revisited // *Revue quebecoise de droit international*. 2019. P. 34. URL: <https://www.sqdi.org/wp-content/uploads/19-48-The-Rule-of-Law-The-Rule-of-Conflict-Hong-Kong-and-Democracy%E2%80%94Past-and-Present-Revisited.pdf> (дата обращения: 25.08.2020)).

³¹ См.: Amendment to Annex I to the Basic Law of the Hong Kong Special Administrative Region of the People's Republic of China Concerning the Method for the Selection of the Chief Executive of the Hong Kong Special Administrative Region, 28 August 2010. URL: https://www.basiclaw.gov.hk/en/basiclawtext/images/basiclawtext_doc2.pdf (дата обращения: 25.08.2020).

³² *Ip E.* Op. cit. P. 573.

нельзя не учитывать, что такой подход продвигает создание политически структурированной субординации.

Согласно ст. 48 Основного закона Гонконга глава администрации возглавляет правительство района, несет ответственность за реализацию Основного закона и других законов, подлежащих применению в Гонконге, подписывает билли, принятые Законодательным Советом, и осуществляет их опубликование; определяет политику правительства и принимает исполнительные приказы; предлагает Госсовету КНР кандидатуры (и отчитывается за них) для замещения (отстранения от занимаемых должностей) кандидатур на некоторые ключевые должности (секретари департаментов и их заместители; руководители бюро, комиссар по вопросам противодействия коррупции, начальник службы аудита, комиссар полиции, начальник иммиграционной службы, комиссар по таможенным и акцизным вопросам и др.).

Глава администрации обладает правом вето. Статья 49 Основного закона предусматривает, что если глава администрации сочтет, что принятый Законодательным Советом билль не совместим с общими интересами Гонконга (!), он вправе его возвратить в Законодательный Совет в пределах трех месяцев со дня рассмотрения. Если Законодательный Совет повторно примет указанный билль в неизменной редакции не менее двумя третями голосов от установленного числа членов Совета, то глава администрации должен подписать и промульгировать соответствующий акт в срок не позднее одного месяца или действовать согласно положениям ст. 50 Основного закона. Статья 50 документа устанавливает, что если глава администрации отказал в подписании билля, принятого повторно Законодательным Советом, или Законодательный Совет отказался принимать бюджет или любой иной важный билль (!), предложенный правительством Гонконга, и при этом отсутствует возможность достижения между ними консенсуса, глава администрации вправе распустить Законодательный Совет.

Таким образом, главе администрации принадлежит дискреционное право принимать решения о роспуске представительного органа Гонконга в рамках работы в сфере нормотворческой деятельности. Однако, если следующий созыв Законодательного Совета двумя третями голосов примет повторно закон, в отношении которого глава администрации ранее (применительно к ситуации, когда предшествующий созыв Законодательного Совета был распущен главой исполнительной власти из-за разногласий о законе) воспользовался правом вето, глава администрации должен подать в отставку (ст. 52).

В контексте формулы институционализации принципа сдержек и противовесов в системе организации публичной власти Гонконга характерным образом прослеживается асимметрия конституционно-правовых статусов главы администрации и Законодательного Совета. Так, представляется несоразмерным право главы администрации распустить Законодательный Совет по пространно сформулированным основаниям непринятия («несовместимости с общими интересами района», «важного билля») и право отправлять в отставку главу администрации очередным созывом Законодательного Совета при условии, что предшествующий созыв был распущен именно по этой причине. Такой подход свидетельствует о фиксации приоритетных позиций главы администрации в системе публично-правовых органов Гонконга.

Главе администрации оказывает содействие в реализации принадлежащих полномочий Исполнительный Совет (ст. 54 Основного закона), на заседаниях которого он председательствует (ст. 56). Члены Исполнительного Совета назначаются и увольняются главой исполнительной власти из руководящего состава служащих администрации, членов Законодательного Совета и известных лиц (*public figures*). Глава исполнительной власти советуется с Исполнительным Советом перед разработкой важных политических решений, внесением в Законодательный Совет законопроектов, при разработке подзаконных актов, рассмотрении вопроса о роспуске Законодательного Совета (ст. 56).

При этом исполнительную власть осуществляет Правительство Гонконга. Данному органу принадлежат такие функции, как формирование и реализация основных направлений политики, администрирование, реализация мер по вопросам внешней политики с учетом полномочий, предоставленных Госсоветом КНР, составление бюджета, его внесение и отчет об исполнении, разработка и внесение законопроектов, ходатайств, подзаконных актов, назначение представителей для участия в заседаниях Законодательного Совета. Правительство Гонконга подотчетно Законодательному Совету (при этом весомых контрольных функций у Совета не имеется. — *И.И.*), оно должно обеспечивать применение законов, принятых Законодательным Советом, представлять на регулярной основе политические программы, давать ответы на вопросы, адресованные членами Законодательного Совета, получать подтверждение Совета по вопросам налогообложения и публичных расходов (ст. 64 Основного закона).

На основе анализа особенностей конституционно-правового статуса главы администрации некоторые авторы характеризуют государственную систему Гонконга как «суперпрезидентскую» или

«систему главенства администрации, подчиненную Госсовету»³³.

Надо признать, что глава администрации обладает широким диапазоном полномочий, позволяющих влиять на формирование и ход развития Гонконга в системе государственности КНР. Однако признание политического режима Гонконга в качестве суперпрезидентской модели едва ли обоснованно, учитывая относительно независимую систему законодательной и судебной власти³⁴. Более достоверной представляется вторая часть тезиса, характеризующая наличие субординационной связи между Госсоветом и главой администрации, позволяющей констатировать преимущественное положение исполнительной власти над властью законодательной.

Статья 19 Основного закона Гонконга определяет, что район обладает независимой судебной властью, включая право на окончательное судебное решение.

Некоторые исследователи указывают, что «судебная автономия является основополагающим аспектом территориальной автономии, поскольку имеет важнейшее значение для успешной реализации режима автономии»³⁵. Необходимо уточнить, что ни в одном государстве (по имеющимся данным, кроме Боливии), в рамках которых сформированы территориальные автономии, не предусмотрена «судебная автономия» (институт судебной власти в территориальных автономиях³⁶), предусматривающая право принятия окончательных решений. Во всех случаях решения судов территориальных автономий могут быть пересмотрены вышестоящими судами государства, что объективно предопределяется институциональным устройством судебной власти. При этом судебная власть в Гонконге считается «обладающей наибольшей степенью независимости от Пекина»³⁷.

В соответствии со ст. 80 данного акта суды Гонконга образуют судебную систему района, реализуют от его имени полномочия. Суды Гонконга осуществляют судебную власть независимо, свободно от любого вмешательства (ст. 85).

³³ *Suksi M.* Op. cit. P. 554, 555.

³⁴ При этом нельзя не учитывать верховное положение ВСНП при интерпретации положений Основного закона (см.: *Castellucci I.* Legal Hybridity in Hong Kong and Macau // *McGill Law Journal ~ Revue de droit de McGill*. 2012. Vol. 57:4. P. 668–720.

³⁵ *Tai B.* Judicial Autonomy in Hong Kong, 2010. P. 295. URL: https://www.researchgate.net/publication/239770928_Judicial_autonomy_in_Hong_Kong (дата обращения: 25.08.2020).

³⁶ См. подр.: *Ирхин И. В.* Конституционно-правовые статусы территориальных автономий в государствах современного мира (Европа, Азия, Америка): дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д., 2019. С. 30, 254, 255.

³⁷ *Martin T.* Op. cit. P. 465–501.

В судебную систему Гонконга входят Апелляционный суд последней инстанции, Высший суд, окружные суды, магистратские суды и других специализированные суды. Высший суд состоит из апелляционного суда и суда первой инстанции (ст. 81)³⁸.

Суды осуществляют судебную юрисдикцию в соответствии с законами, подлежащими применению в районе в рамках положений ст. 18 Основного закона, могут обращаться к прецедентам иных юрисдикций общего права (ст. 84), поскольку судебная система, ранее применявшаяся в Гонконге, должна сохраниться с учетом изменений, которые возникнут вследствие учреждения Апелляционного суда последней инстанции (ст. 82). Суд присяжных, принцип уголовного и гражданского процесса, ранее применявшиеся в Гонконге, сохраняются (ст. 86).

Особое внимание следует обратить на то, что правом толкования Основного закона обладают суды Гонконга, а также Постоянный комитет ВСНП, правовым позициям которого надлежит следовать. Речь идет о том, что в силу ст. 158 указанного документа Постоянный комитет ВСНП должен уполномочить суды Гонконга осуществлять интерпретацию (в рамках конкретной формы нормоконтроля) положений настоящего Закона в рамках компетенции района³⁹. Однако, если судам Гонконга при рассмотрении конкретных дел необходимо интерпретировать положения Закона по вопросам, которые относятся к сфере ответственности Госсовета КНР или касаются отношений центральных органов власти и района, и если такие положения будут иметь влияние на судебные решения, суды Гонконга перед принятием

³⁸ Необходимо отметить, что в рамках Гонконга функционируют множественные специализированные суды: коронерские суды, ювенальные суды, земельные трибуналы, трибунал по трудовым спорам, малый трибунал по трудовым спорам, трибунал по делам о непристойных материалах. Коронерские суды рассматривают дела о внезапной, насильственной, неестественной смерти. Ювенальные суды рассматривают дела в отношении несовершеннолетних до 18 лет за совершение любых правонарушений, кроме убийства. Трибунал по делам о непристойных материалах рассматривает дела об ответственности за размещение материалов, подготовленных должностными лицами, авторами, издателями, производителями, дистрибьюторами и иными лицами. Данный суд также обладает юрисдикцией квалифицировать материал на предмет наличия в содержании непристойных сведений.

³⁹ При этом ВСНП не ограничено в праве интерпретации любых положений Основного закона Гонконга. Следует также отметить, что Апелляционный суд последней инстанции Гонконга признал, что по сравнению с ВСНП обладает более ограниченными полномочиями толковать Основной закон (см.: *Lau Kong Yung and Others v. the Director of Immigration* [1999] HKCFA 5; [1999] 3 HKLRD778; (1999) 2 HKCFAR300; [1999] 4 HKC731; FACV 11/1999 (3 DECEMBER1999). URL: [https://www.hkllii.hk/cgi-bin/sinodisp/eng/hk/cases/hkcfa/1999/5.html?stem=&synonyms=&query=title\(lau%20kong%20yung\)&nocontext=1](https://www.hkllii.hk/cgi-bin/sinodisp/eng/hk/cases/hkcfa/1999/5.html?stem=&synonyms=&query=title(lau%20kong%20yung)&nocontext=1) (дата обращения: 25.08.2020)).

окончательного решения должны выявить через Апелляционный суд последней инстанции Гонконга сопряженные позиции Постоянного комитета ВСНП и руководствоваться ими.

В данном аспекте необходимо отметить проблематичность юридически однозначной квалификации фактов «относится к сфере ответственности», «касаются отношений» ввиду их значительного объема, имплицитно допускающего возможность различных интерпретаций.

В литературе критически оценивается институционализация права Постоянного комитета ВСНП толковать Основной закон Гонконга⁴⁰. Указывается, что «в силу расплывчатости содержания формулировок, Пекин сохраняет значительный ресурс полномочий для интерпретации положений Основного закона. Принятие итоговых решений фактически находится в ведении ВСНП»⁴¹. Отмечается, что «перспективы развития судебной автономии Гонконга в полной мере зависят от сценария развития конституционализма на материковой части КНР. Пока текущая ситуация будет сохраняться, судебная автономия данного района может быть только «замком на песке»»⁴². Подчеркивается, что «если ВСНП КНР активно реализует принадлежащие полномочия по толкованию положений Основного закона Гонконга, то это создает впечатление, что центральные органы власти стремятся к подрыву автономии Гонконга. В этой связи ВСНП КНР должен воздерживаться от толкования Основного закона Гонконга без привлечения органов власти данного района, кроме случаев исключительной необходимости»⁴³. На практике ВСНП осуществляет интерпретацию положений Основного закона

безотносительно (autonomously) наличия таких особых случаев (trigger)⁴⁴.

Особым образом конституционно-правовой статус Гонконга проявляется в ракурсе действующего в отношении него финансово-экономического, валютного, таможенного, налогового, пограничного режимов, поскольку именно в этом плане выраźnie проявляется имманентная специфика режима территориальной автономии. В соответствии со ст. 108 Основного закона правительство должно обеспечивать создание соответствующих экономических и правовых условий для сохранения Гонконга как международного финансового центра. В силу ст. 106, 107 Основного закона Гонконг обладает независимыми финансами и налоговой системой. Получаемые доходы используются исключительно в собственных целях и не могут быть переданы правительству КНР. Согласно ст. 108 указанного акта в Гонконге подлежит реализации ранее применявшаяся политика налогообложения с низкой ставкой, могут приниматься законы по вопросам собственных видов налогов (ставок, льгот, исключений в этой сфере). Госсовет КНР не вправе взимать налоги на территории Гонконга (ст. 106). Запрещается введение правил валютного контроля (ст. 112). Предусмотрено, что Гонконг должен следовать политике свободной торговли и обеспечивать свободное движение товаров, нематериальных активов и капитала (ст. 115). Создана обособленная таможенная территория (ст. 116). Предусмотрено наличие собственной валюты – свободно конвертируемого гонконгского доллара (ст. 111, 112). Гонконг сохраняет статус свободного порта (ст. 114), продолжает следовать политике свободной торговли, сохраняется свободное передвижение товаров, нематериальных активов и капитала (ст. 115).

В литературе указывается, что «сегодня в финансово-экономическом отношении Гонконг является одним из крупнейших финансовых, эмиссионных, фондовых, торговых и деловых центров мира. В Гонконге не имеется валютных ограничений, местная валюта – гонконгский доллар – жестко привязан к доллару США, является свободно конвертируемой. На денежном рынке представлены практически все банки, пользующиеся мировой известностью, многие из них имеют в Гонконге свои региональные штаб-квартиры. Экономика Гонконга – полностью сервисная, здесь практически отсутствует собственное производство, давно перебазируемое в соседние районы КНР. Финансовую систему Гонконга можно охарактеризовать как высокоразвитый многоотраслевой и высокорентабельный сектор, сформировавшийся под

⁴⁰ Следует отметить, что суды Гонконга (Апелляционный суд последней инстанции) не обладают полномочиями признавать несоответствующими Основному закону правовые акты, принятые на материковой части КНР (см.: Ng Ka Ling and Another v. the Director of Immigration [1999] HKCFA 72; [1999] 1 HKLRD315; (1999) 2 HKCFAR4; [1999] 1 HKC291; FACV 14/1998 (29 January 1999)). Некоторые исследователи приравнивают данное решение к решению Верховного суда США по делу *Marbury v. Madison*, поскольку впервые судом Гонконга была дана оценка соответствия правового акта Основному закону района (впоследствии пересмотрено на основании акта толкования ВСНП) (см.: *Krebs J. One Country, Three Systems? Judicial Review in Macau after Ng Ka Ling* // Washington International Law Journal. 2000. Vol. 10. No. 1. P. 115).

⁴¹ *Chou B. Local Autonomy in Action: Beijing's Hong Kong and Macau Policies* // Journal of Current Chinese Affairs. 2013. No. 3. P. 35, 36. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/186810261304200303> (дата обращения: 25.08.2020).

⁴² *Tai B. Op. cit.* P. 310.

⁴³ *Xuanwei W. A New Constitutional Order in Hong Kong: Managing Conflict Over the Interpretation of the Basic Law* // Tsinghua China Law Review. 2009. Vol. 1. P. 165.

⁴⁴ См.: *Jhaveri S. Reconstitutionalizing Politics in the Hong Kong Special Administrative Region of China*. P. 6.

непосредственным влиянием английского и британского капиталов»⁴⁵.

Отмечается также, что «Гонконг входит в десятку наиболее крупных мировых торговых и финансовых центров, что делает уровень его жизни одним из самых высоких в Азии. Все индексы Гонконга в наибольшей степени соответствуют критериям самой открытой экономики, а по золотовалютным резервам Гонконг занимает лидирующие позиции в мире»⁴⁶.

На наш взгляд, наряду с аутентичной правовой системой именно финансово-экономический режим (в широком смысле) выступает доминирующим критерием квалификации Гонконга в качестве территориальной автономии⁴⁷. На этом основании рассматриваемый район правомерно отнести к разновидности финансово-экономических территориальных автономий, сущность которых предопределяется доминированием финансово-экономических индикаторов в структуре их конституционно-правовых статусов, обуславливающих корреспондирующую функционально-телеологическую направленность развития и место в системе государственности⁴⁸.

Вместе с тем объем политико-правовой самостоятельности Гонконга имеет ограниченные параметры ввиду имплементированных в систему (и структуру) конституционно-правовых отношений централизирующих элементов, позволяющих

КНР осуществлять целостный контроль и координацию этой территории. Помимо прочего, в этом аспекте характерным образом прослеживается условность разграничения территориальных автономий на политические и административные⁴⁹.

Неурегулированные дискуссии относительно приемлемых объемов самостоятельности Гонконга в сфере внутреннего самоуправления инспирирует конфликтные ситуации между КНР и крупными общественными группами Гонконга. Однако необходимо учитывать, что природа этих конфликтов имеет перманентный и локализованный характер ввиду того, что предопределяется статичными требованиями заинтересованных кругов в расширении объемов политической самостоятельности района при одновременном сдерживании нарастающих ассимиляционных тенденций. Следует также обратить внимание, что конфликтность отношений обуславливается внутренней диалектической взаимосвязью их внутривидовых элементов. Речь идет о том, что усиление требований ряда локальных сообществ Гонконга к расширению объемов политической автономии вызывает ответную реакцию центральных властей в виде наращивания инструментария, позволяющего обеспечить эффективный контроль над этой территорией с целью минимизации рисков развития и распространения сепаратистских тенденций, нейтрализации очагов радикализма. Соответственно, ужесточение мер со стороны властей КНР продвигает развитие тенденций автономизации, нарастанию протестной составляющей⁵⁰. При этом, разумеется, необходимо учитывать, что развитие конфликтности осуществляется дискретно, а также следует сделать акцент на отсутствии сбалансированности между факторами нарастания конфликтности и последствиями реализуемых мер.

В литературе указывается, что «в ответ на изменяющийся социально-политический ландшафт Гонконга, в последние десятилетия центральное правительство прибегает к реализации агрессивных мер по обеспечению законности, что обуславливается необходимостью осуществления координации и контроля нарастающего демократического активизма и углубляющегося раскола гонконгского общества. В ряде критических ситуаций центральное правительство эффективно

⁴⁵ Гудошников Л. М. Гонконг (Сянган): справочник. М., 2004. С. 162, 174. Подробнее см.: The Practice of the 'One Country, Two Systems' Policy in the Hong Kong Special Administrative Region.

⁴⁶ Новакова О., Балгабаева Г. Конституционно-правовой статус Гонконга и Макао после присоединения к КНР // Азия и Африка сегодня. 2018. № 10. С. 27.

⁴⁷ В этом плане спорной представляется позиция, в соответствии с которой подчеркивается, что принцип «одна страна, две системы» в наибольшей степени относится к социальной и политической системам КНР и Гонконга. В экономическом, культурном отношениях, а также в сфере жизнеобеспечения не имеется непреодолимой пропасти в силу того, что принимаются меры по достижению и развитию взаимного сотрудничества, совместного развития». Следует отметить, что в силу активизирующихся тенденций интеграции Гонконга в публично-правовое и политическое пространство КНР едва ли обоснованно полагать о наличии «пропасти между ними» (см.: *Eagleton J. Rhetorical Ambiguity, Democracy and Political Change: The Contradictions of the Hong Kong Political System // Contrastes. Revista Internacional de Filosofia, Suplemento. 2015. Vol. 20. P. 90, 91*).

⁴⁸ В этом плане неоднозначную реакцию вызывает содержащаяся в Белой книге фабула о том, что автономия Гонконга высшей степени не предполагает децентрализацию власти (при этом подчеркивается, что Гонконг был наделен полномочиями в сфере внутреннего самоуправления центральными органами власти КНР). Между тем из курса публичного права известно, что расширение сферы самостоятельности субнациональных единиц по решению национальных властей является отражением реализации концепции децентрализации, которая в Гонконге наиболее выразительно проявляется в финансово-экономической сфере и международных отношениях.

⁴⁹ См.: Григонис Э. П., Григонис В. П. Конституционное право зарубежных стран. М. [и др.], 2006; Осаветюк А. М. Конституционное право зарубежных стран: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 030501 «Юриспруденция»; по научной специальности 12.00.02 «Конституционное право; муниципальное право». М., 2010.

⁵⁰ См.: *Tin-bor Hui V. Beijing's Hard and Soft Repression in Hong Kong. Published for the Foreign Policy Research Institute by Elsevier Ltd. 2020. P. 310. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7102642/> (дата обращения: 25.08.2020).*

использовало правовые механизмы Основного закона для нейтрализации политического сопротивления, разрешения сложных вопросов, подавления сепаратистских тенденций»⁵¹.

Отмечается, что «правительство Пекина толерантно относится к локализму Гонконга, если данное понятие исчерпывается такими составляющими, как идентичность, традиция и культура. Однако Пекин жестко осуждает и подавляет перерастание локализма в радикализм с антикитайскими настроениями, независимостью и враждой»⁵².

Подчеркивается, что «напряжение в Гонконге является более сложным явлением, чем это может показаться на первый взгляд. Это не просто конфликт в виде перетягивания каната между центральным правительством и населением Гонконга, желающим сохранить территориальную автономию, — это сложная борьба, участниками которой являются материковая часть КНР, частный капитал, местные предприниматели, различные уровни национального и гонконгского правительства»⁵³. В данный перечень необходимо включить иностранные государства, международные организации и иных субъектов международного общения, имеющих собственные интересы в этом регионе⁵⁴.

Речь идет о том, что Гонконг обладает уникальными по объему (для внутригосударственного территориального объединения) правами в сфере международного сотрудничества. Так, ст. 116 Основного закона предусматривает, что Гонконг может быть членом международных организаций, участвовать в международных торговых соглашениях

(ст. 116)⁵⁵. Представители правительства Гонконга в составе делегаций Центрального Правительства могут участвовать в переговорах дипломатического уровня по вопросам, затрагивающим интересы района (ст. 150). Гонконг, используя имя «Гонконг, Китай», вправе поддерживать и развивать отношения, а также заключать соглашения с иностранными государствами, регионами, международными организациями в таких областях, как экономика, торговля, финансы и деньги, судоходство, связи, туризм, культура, спорт (ст. 151).

В литературе указывается, что «Гонконг квалифицируется в качестве субъекта международного права, ограниченного в своих полномочиях ввиду отсутствия всего объема признаков самостоятельного государства (отсутствие суверенитета)»⁵⁶. Подчеркивается, что «в сфере иностранных дел Гонконг не имеет аналогов среди автономных единиц других государств»⁵⁷, а в таких вопросах внешней автономии, как торговля и иммиграционный контроль, КНР и Гонконг фактически могут рассматриваться в качестве разных государств»⁵⁸.

Если исходить из того, что сфера международных отношений Гонконга исчерпывается неполитическими вопросами, очевидно, что в силу обширных финансово-экономических, торговых и иных связей с другими государствами, последние будут лоббировать (с различной степенью латентности) самостоятельные интересы в Гонконге, в т.ч. политически ангажированные.

За более чем 20-летний период нахождения Гонконга в составе КНР можно отметить постепенное наращивание влияния со стороны центральных органов власти. В этом плане заслуживает внимания тезис о том, что «официальный дискурс эволюционировал от позиции “правительство, возглавляемое исполнительной властью”, до “верховных (plenary) полномочий по управлению Гонконгом” и применения Конституции КНР к данному району»⁵⁹.

Применяющийся в текущий период подход по увеличению удельного веса нормативно-правового регулирования актов КНР на территории Гонконга сокращает пространство самостоятельности в сфере внутреннего самоуправления рассматриваемого района.

⁵¹ Zhu H. Beijing's "Rule of Law" Strategy for Governing Hong Kong // China Perspectives. 2019. No. 1. P. 23. URL: https://www.researchgate.net/publication/337885599_Hong_Kong's_Summer_of_Uprising_From_Anti-Extradition_to_Anti-Authoritarian_Protests/link/5dfa36c8299bf10bc3637b95/download (дата обращения: 25.08.2020).

⁵² Ying-ho K. The Growth of "Localism" in Hong Kong // China Perspectives. 2016. Vol. 3. P. 66. URL: <https://journals.openedition.org/chinaperspectives/7057>

⁵³ Yuen S., Cheng W. Between high autonomy and sovereign control in a subnational island jurisdiction: The paradox of Hong Kong under "One Country, Two Systems" // Island Studies Journal. Vol. 15. P. 140.

⁵⁴ Следует отметить, что в гл. 66 разд. 22 Свода законодательства США указано, что Гонконг играет важную роль в современной региональной и мировой экономике, которая проявляется в наличии тесных экономических, культурных, экономических и других отношений с США, что укрепляет существенный интерес США к дальнейшему процветанию, развитию и стабильности Гонконга. Поддержка развития демократии является основополагающим принципом внешней политики США. Соответственно, закономерно применение данного подхода в отношении Гонконга (см.: URL: <https://uscode.house.gov/view.xhtml?path=/prelim@title22/chapter66&edition=prelim> (дата обращения: 25.08.2020)).

⁵⁵ Гонконг является членом ВТО, ВОЗ, Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, Олимпийских игр, мирового футбольного клуба FIFA.

⁵⁶ Xiaobing X., Wilson G. Op. cit. P. 35, 36.

⁵⁷ См.: ibid. P. 6.

⁵⁸ Ibid. P. 18.

⁵⁹ Zhu H. Op. cit. P. 32.

В этом плане дискуссионной представляется позиция М. Сукси: «Основным законом Гонконга создан самостоятельный правовой режим, в рамках которого население и предприятия данного района осуществляют деятельность, практически не подпадая под действие правового порядка КНР»⁶⁰.

П. В. Трощинским обоснованно подчеркивается, что «руководство КНР незаметно, шаг за шагом старается ограничить “юридическую независимость” бывшей британской колонии. Правительство Китая вправе в рамках закона принудить гонконгское население жить по своим правилам. Пролетят десятилетия, и население Гонконга обязательно столкнется с новыми правовыми реалиями: не исключено полное изменение действующей законодательной базы региона в течение текущего столетия»⁶¹.

Спорна точка зрения о том, что «с 1997 года правовая система Гонконга должна функционировать под покровительством правовой системы КНР или, если говорить более откровенно, под эгидой политической системы КНР»⁶², поскольку юрико-политическая ассимиляция Гонконга — это не одномоментный акт, а длительный и дискретный процесс.

В литературе отмечается, что «Гонконг является свидетелем потенциального роста авторитарного легализма»⁶³, указывается, что «на практике Пекин постепенно пересматривает содержание положений и концепций, реализуемых по отношению к Основному закону Гонконга ради собственных управленческих целей»⁶⁴.

Следует отметить, что в системном единстве названные тенденции способствуют выхолащиванию действия принципа «одно государство, две системы». При реализации цели инкорпорации Гонконга в относительно гомогенное публично-правовое пространство КНР предпринимаемые меры должны быть соразмерными⁶⁵, открытыми, понятными и прогнозируемыми, соответствовать объективным условиям, что предполагает необходимость внесения адаптивных изменений в текст Основного закона Гонконга. Изменение концептуальных начал данного акта путем внесения поправок

в текущее законодательство под нужные политические цели не является эффективным способом нормативно-правового регулирования, поскольку таким образом деформируются сами основы правовой системы.

Возможным инструментом оптимизации урегулирования дискуссий между КНР и Гонконгом мог бы стать орган, уполномоченных рассматривать конституционные споры (разумеется, в условиях, что данный орган не будет политизирован). Некоторыми исследователями предлагается сформировать квазиконституционный орган для названных целей. Так, отмечается, что «Основной закон Гонконга определяет линию между предметами ведения центрального правительства и Гонконгом при реализации данным районом автономии, однако эта линия недостаточно четкая и в некоторых случаях возникают вопросы, решить которые проблематично. В этой связи предлагается сформировать механизм сотрудничества КНР и Гонконга из представителей Комитета по правовым вопросам ВСНП КНР и Апелляционного суда последней инстанции Гонконга. Реализация такого подхода позволит минимизировать вероятность того, что ВСНП КНР будет осуществлять толкование законодательства, отменять действующие решения Апелляционного суда последней инстанции так, что это становится неожиданностью»⁶⁶.

Проведенный анализ свидетельствует о наличии уязвимости политико-правовой составляющей в структуре конституционно-правового статуса Гонконга, дефектах организации механизма урегулирования дискуссий между КНР и Гонконгом в рамках внутригосударственных отношений.

Я. Гай отмечает, что «автономия стала переходной формой к полной интеграции (ассимиляции), в том числе в политическое, правовое, культурное, идеологическое пространства КНР»⁶⁷. Указанный довод следует принимать с оговоркой ввиду неравновесности указанных составляющих друг относительно друга, а также различных объемов их интегрированности (ассимиляции).

* * *

В заключение следует отметить, что при формировании конституционно-правового статуса Гонконга в его структуру были имплементированы конфликтные переменные, детерминированные принципиальными различиями в подходах к организации двух систем конституционного строя (КНР и Гонконг).

⁶⁰ *Xuanwei W.* Op. cit. P. 162.

⁶¹ *Ghai Y.* Op. cit. P. 326; см. также: *Gittings D.* What will happen to Hong Kong after 2047? // *California Western International Law Journal.* 2011. Vol. 42. No. 1. P. 40.

⁶⁰ *Suksi M.* Op. cit. P. 647.

⁶¹ *Трощинский П. В.* Правовая система Китая. М., 2016. С. 341, 342.

⁶² *Cullen R.* The Rule of Law in Hong Kong. Civil Exchange, 2005. P. 17. URL: https://www.academia.edu/5156780/Rule_of_Law_in_Hong_Kong

⁶³ *Zhu H.* Op. cit. P. 24.

⁶⁴ *Ibid.* P. 32.

⁶⁵ О применении жестких и мягких мер КНР в отношении Гонконга (отдельных категорий его жителей) см.: *Hui T.-b.* Op. cit. P. 289–311.

Наличие неустраненных факторов (детерминант) конфликтности обостряет ситуацию в Гонконге. В последние два года состоялись масштабные протестные акции против отдельных решений центральных властей КНР, влияющих на объемы самостоятельности в сфере внутреннего самоуправления Гонконга. В частности, летом 2020 г. была проведена акция против принятия Закона КНР о национальной безопасности в Гонконге⁶⁸. Данный акт предусматривает формирование самостоятельного правового режима обеспечения национальной безопасности (с криминализацией ряда общественно опасных деяний) при одновременном учреждении трех органов публичной власти, уполномоченных на решение вопросов в этой сфере. Подлежит учреждению Специальный комитет национальной безопасности с прямым подчинением Госсовету КНР, в ведении которого находятся вопросы анализа и оценки развития ситуации в сфере национальной безопасности, формирование рабочих планов и политического курса по этому

направлению, содействие развитию правовой системы и обеспечение действенности механизмов обеспечения национальной безопасности, координация работы (ст. 14). В полиции Гонконга должен быть создан отдел национальной безопасности во главе с руководителем, назначаемым главой администрации района. К полномочиям указанного отдела относится сбор и анализ данных о национальной безопасности, планирование, координация и обеспечение применения мер в сфере национальной безопасности, расследование преступлений, угрожающих национальной безопасности, мониторинг ситуации в рассматриваемой сфере, выполнение иных целей и задач (ст. 17). Кроме того, должна быть создана Служба национальной безопасности Госсовета КНР в Гонконге, в сферу ведения которой входят анализ и оценка развития ситуации в сфере национальной безопасности, подготовка предложений об основных стратегиях и наиболее значимых вопросах в рамках данного направления деятельности, мониторинг, руководство, координация совместно с районом исполнения обязанностей по обеспечению национальной безопасности, оказание содействия Гонконгу в этой области, рассмотрение дел о преступлениях, угрожающих национальной безопасности (ст. 49). Предусмотрены виды преступлений в сфере национальной безопасности и наказаний за их совершение⁶⁹.

⁶⁸ См.: The Law of the People's Republic of China on Safeguarding National Security in the Hong Kong Special Administrative Region. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2020-07/01/c_139178753.htm (дата обращения: 25.08.2020). Следует отметить, что этот документ должен быть принят властями Гонконга. Статья 23 Основного закона устанавливает, что в Гонконге должны быть приняты законы, запрещающие любые акты государственной измены, сецессии, подстрекательства к беспорядкам, диверсии против центрального народного правительства, хищения сведений, составляющих государственную тайну. Должны быть также приняты законы, запрещающие иностранным политическим организациям осуществлять политическую деятельность в Гонконге, запрещено политическим организациям района вступать в связь с зарубежными политическими организациями. Однако данный акт не был принят из-за того, что воспринимается как угроза основным гражданским и политическим свободам (см.: *Hargreaves S.* Online Monitoring of 'Localists' in Hong Kong: A Return to Political Policing // *Surveillance & Society*, 15 (3/4). P. 426; *Castellucci I.* Legal Hybridity in Hong Kong and Macau. P. 700). Заметим, что принятие указанного документа вызвало широкий резонанс в международном сообществе. Некоторые государства рассматривают этот документ как ликвидацию автономии Гонконга. Так, 14 июля 2020 г. Президентом США был подписан исполнительный приказ, в котором отмечается, что согласно § 202 Акта о политике взаимоотношений США и Гонконга специальный административный район Гонконг более не является достаточно самостоятельным для применения к нему режима, отличающего от того, который действует в отношении КНР в соответствии с законами США и положениями настоящего приказа. Подчеркивается, что вследствие принятия Закона о национальной безопасности Гонконг утратил гарантии, которые действовали до 1 июля 1997 г. Предусматривается пакет санкций в таких сферах сотрудничества как финансово-экономический сектор, иммиграция, оборонное производство, особый лицензионный режим для экспорта, реэкспорта, обмен лицами, скрывающимися от правосудия, обмен осужденными. Кроме того, установлены санкции в отношении лиц, имеющих прямое или косвенное отношение к подрыву демократических процессов или институтов в Гонконге, действия которых угрожают миру, безопасности, стабильности или автономии Гонконга (см.: Executive Order 13936 of July 14, 2020. The President's Executive Order on Hong Kong Normalization. URL: <https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/13936.pdf> (дата обращения: 25.08.2020)).

⁶⁹ Часть 1 гл. 3 указанного документа определяет признаки сецессии. В частности, установлено, что лицо, которое организует, планирует, исполняет или участвует в любых действиях (независимо от применения силы) с целью сецессии или подрыва государственного единства, например, выступает за выход Гонконга или иной территории из состава КНР, изменение незаконными средствами правового статуса Гонконга или иной территории КНР подлежит привлечению к ответственности. Часть 2 определяет признаки диверсии, которая квалифицируется как организация, планирование, исполнение или участие в любых действиях, направленных на свержение или подрыв конституционного строя КНР, свержение органов центральной власти КНР или органов власти Гонконга, серьезное вмешательство в работу органов власти КНР или Гонконга, срыв или подрыв их деятельности, нападение или повреждение зданий и оборудования органов власти Гонконга. Часть 3 квалифицирует признаки террористической деятельности, ч. 4 определяет признаки сговора с иностранным государством или с внешними элементами, угрожающего национальной безопасности. Ответственность за совершение указанных преступлений варьируется от трех лет лишения свободы до пожизненного лишения свободы наряду с конфискацией имущества, лишением права занимать определенные должности. Следует также отметить, что Гонконг обладает юрисдикцией по рассмотрению видов преступлений, предусмотренных настоящим Законом (ст. 40). Исключение составляют случаи, предусмотренные ст. 55 Основного закона. Положениями данной статьи определено, что служба национальной безопасности по требованию Правительства Гонконга или по своей инициативе осуществляет юрисдикцию в отношении дел, угрожающих национальной безопасности, в случае, когда такие дела являются сложными в связи с участием в них иностранного государства, иностранных элементов, имеется серьезная ситуация, при которой правительство Гонконга не способно обеспечить эффективную реализацию Основного закона, возникла значительная (major) и неизбежная угроза национальной безопасности.

Указанный документ вызвал широкий международный резонанс. Так, 14 июля 2020 г. Президентом США был подписан исполнительный приказ, а Конгрессом США принят закон о введении санкции в отношении КНР, в т.ч. Гонконга, в связи с принятием указанного правового акта⁷⁰. Премьер-министр Соединенного Королевства выступил в Палате общин с предложением о предоставлении жителям Гонконга британского гражданства⁷¹.

31 июля 2020 г. правительство Гонконга из-за коронавируса приняло решение о переносе выборов в Законодательный Совет с 6 сентября 2020 г. на 5 сентября 2021 г.,⁷² что вызвало негативную реакцию со стороны ряда западных стран⁷³.

Указанные факты подтверждают наличие высокой степени заинтересованности некоторых зарубежных государств к вопросам организации и осуществления внутреннего самоуправления в Гонконге, имманентных рисках (угрозах) дестабилизации ситуации внешними факторами.

Следует отметить, что режим территориальной автономии не означает полную свободу и независимость от КНР, не предопределяет возможность в дискреционном порядке определять сферу регулируемых правоотношений, осуществлять правоинтерпретационные и правоприменительные практики на основе аксиоматизации субнациональных интересов. Вместе с тем деструктивным представляется применение конспирированных технологий корректуры концептуальных характеристик Основного закона.

Наращивание КНР объемов централизации должно быть не самоцелью, а средством решения

корреспондирующих задач. Как представляется, актуальными задачами являются необходимость нейтрализации объективно существующих очагов радикализации конституционно-правового режима территориальной автономии⁷⁴, в т.ч. инспирируемых иностранными элементами (силами), предупреждения рисков развития тенденций интенсификации центробежных тенденций для сохранения государственного единства и территориальной целостности КНР. При этом используемый инструментарий должен быть основан на подлинной взаимной заинтересованности участвующих сторон в налаживании конструктивного диалога, балансе интересов, прозрачных понятных и соразмерных политико-правовых подходах к достижению компромисса при условии признания первостепенности общегосударственных интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григонис Э. П., Григонис В. П. Конституционное право зарубежных стран. М. [и др.], 2006.
2. Гудошников Л. М. Гонконг (Сянган): справочник. М., 2004. С. 162, 174.
3. Иванов П. М. Гонконг: история и современность. М., 1990. С. 198.
4. Ирхин И. В. Конституционно-правовые статусы территориальных автономий в государствах современного мира (Европа, Азия, Америка): дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д., 2019. С. 30, 254, 255.
5. Козенко А. Великобритания хочет дать гражданство жителям Гонконга. 30 лет она делала все, чтобы этого не произошло. 6 июня 2020 г. BBC News. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-52939704>
6. Кокарев К. А. Политический механизм особых автономий Китая. М., 2004. С. 5.
7. Михайлова М. Ю. Федеральное вмешательство в зарубежных странах. М., 2005.
8. Новакова О., Балгабаева Г. Конституционно-правовой статус Гонконга и Макао после присоединения к КНР // Азия и Африка сегодня. 2018. № 10. С. 27.

⁷⁰ См.: Act to impose sanctions with respect to foreign persons involved in the erosion of certain obligations of China with respect to Hong Kong, and for other purposes (The President's Executive Order on Hong Kong Normalization).

⁷¹ См.: Козенко А. Великобритания хочет дать гражданство жителям Гонконга. 30 лет она делала все, чтобы этого не произошло. 6 июня 2020 г. BBC News. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-52939704>

⁷² См.: LegCo General Election postponed for a year. URL: <https://www.info.gov.hk/gia/general/202007/31/P2020073100898.htm> (дата обращения: 25.08.2020); Саможнев А. Парламент Китая продлил полномочия законодательного собрания Гонконга. URL: <https://rg.ru/2020/08/11/parlament-kitaia-prodlil-polnomochiia-zakonodatel'nogo-sobraniia-gonkonga.html> (дата обращения: 25.08.2020).

⁷³ См.: Pompeo M. On the Postponement of Hong Kong's Legislative Council Elections. 1 August 2020. URL: <https://www.state.gov/on-the-postponement-of-hong-kongs-legislative-council-elections/>. Declaration of the High Representative on behalf of the EU on the postponement of the Legislative Council elections in Hong Kong. 3 August 2020. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/08/03/declaration-of-the-high-representative-on-behalf-of-the-eu-on-the-postponement-of-the-legislative-council-elections-in-hong-kong/> (дата обращения: 25.08.2020).

⁷⁴ В литературе отмечается, что порядка 93.5% лиц, не достигших 30-летнего возраста, участвующих в протестах, выступают с лозунгом «освобождение Гонконга, революция нашего времени» (см.: Lee F., Yuen S., Tang G., Cheng E. Hong Kong's Summer of Uprising: From Anti-Extradition to Anti-Authoritarian Protests // The China Review. 2019. Vol. 19. No. 4. P. 22). Сторонники Гонконгской национальной партии (запрещена в КНР в 2018 г. — И. И.) выступают за сепессию Гонконга, указывая, что колониальный режим не был ликвидирован — город просто стал китайской колонией с 1997 г. (см.: Tang R. Internal Self-Determination as Democracy: A Case Study of Hong Kong. 2016. P. 10, 11. URL: https://www.academia.edu/29711974/Internal_Self_Determination_as_Democracy_A_Case_Study_of_Hong_Kong (дата обращения: 25.08.2020)).

9. *Осавельюк А. М.* Конституционное право зарубежных стран: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 030501 «Юриспруденция»; по научной специальности 12.00.02 «Конституционное право; муниципальное право». М., 2010.
10. *Петрыкина Н. И., Тюрина Д. Д.* Нетрадиционная модель административной автономии КНР – Гонконг. Взгляд российского исследователя // Административное право и процесс. 2019. № 3. С. 4, 5.
11. *Самозяев А.* Парламент Китая продлил полномочия законодательного собрания Гонконга. URL: <https://rg.ru/2020/08/11/parlament-kitaia-prodlil-polnomochiia-zakonodatel'nogo-sobraniia-gonkonga.html> (дата обращения: 25.08.2020).
12. *Трощинский П. В.* Правовая система Китая. М., 2016. С. 341, 342.
13. *Трощинский П. В.* Современная правовая система Гонконга // Труды ИГП РАН. 2016. № 2. С. 197.
14. *Чиркин В. Е.* Территориальная организация публичной власти. М., 2017. С. 138, 141.
15. *Cardinal P., Zhang Y.* Subnational Constitutionalism in the Sars of the People's Republic of China. An Exceptional Tailored Model // Perspectives on Federalism. 2012. Vol. 3. P. 103, 133, 134.
16. *Castellucci I.* Legal Hybridity in Hong Kong and Macau // McGill Law Journal ~ Revue de droit de McGill. 2012. Vol. 57:4. P. 668–720.
17. *Chan C.* Reconceptualising the Relationship between the Mainland Chinese Legal System and the Hong Kong Legal System // Asian Journal of Comparative Law. 2011. Vol. 6. P. 5.
18. *Chan J.* Basic Law and Constitutional Review: The First Decade // Hong Kong Law Journal, 2007. P. 407. URL: <https://hub.hku.hk/bitstream/10722/87975/3/content.pdf?accept=1> (дата обращения 25.08.2020).
19. *Chen A.* The Theory, Constitution and Practice of Autonomy: the Case of Hong Kong. P. 7, 9.
20. *Cheung A.* From Colony to Special Administrative Region: Issue of Hong Kong's Autonomy within a Centralized State // Law and Politics in Africa, Asia and Latin America. 1998. Vol. 31. No. 3. P. 305.
21. *Chou B.* Local Autonomy in Action: Beijing's Hong Kong and Macau Policies // Journal of Current Chinese Affairs. 2013. No. 3. P. 35, 36. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/186810261304200303> (дата обращения: 25.08.2020).
22. *Cullen R.* The Rule of Law in Hong Kong. Civil Exchange, 2005. P. 17. URL: https://www.academia.edu/5156780/Rule_of_Law_in_Hong_Kong
23. *Eagleton J.* Rhetorical Ambiguity, Democracy and Political Chang: The Contradictions of the Hong Kong Political System // Contrastes. Revista Internacional de Filosofia, Suplemento. 2015. Vol. 20. P. 90, 91.
24. *Flaherty M.* Hong Kong Fifteen Years after the Handover: One Country, Which Direction? // Columbia Journal of Transnational Law. 2013. Vol. 51. P. 277, 278.
25. *Ghai Y.* Hong Kong's New Constitutional Order: The Resumption of Chinese Sovereignty and the Basic Law. 2nd ed. Hong Kong, 1999. P. 139, 140, 184, 326.
26. *Gittings D.* What will happen to Hong Kong after 2047? // California Western International Law Journal. 2011. Vol. 42. No. 1. P. 40.
27. *Goncalves A.* A Paradigm of Autonomy: The Hong Kong and Macau SARs // Contemporary Southeast Asia. 1996. Vol. 18. No. 1. P. 46.
28. *Goncalves A.* Hong Kong and Macau Special Administrative Regions: The Downfall of The “One Country, Two Systems” Policy // International Journal of Humanities and Social Science. 2019. Vol. 9. No. 10. P. 14.
29. *Hargreaves S.* Online Monitoring of ‘Localists’ in Hong Kong: A Return to Political Policing // Surveillance & Society, 15 (3/4). P. 426.
30. *Jhaveri S., Scully-Hill A.* Executive and legislative reactions to judicial invalidity in Hong Kong: Engagement, acceptance or avoidance // International Journal of Constitutional Law. 2015. Vol. 13. Issue 2. P. 507, 510.
31. *Jhaveri S.* Reconstitutionalizing Politics in the Hong Kong Special Administrative Region of China // Asian Journal of Comparative Law. 2018. Vol. 13 (1). P. 6, 44.
32. *Krebs J.* One Country, Three Systems? Judicial Review in Macau after Ng Ka Ling // Washington International Law Journal. 2000. Vol. 10. No. 1. P. 115.
33. *Lee F., Yuen S., Tang G., Cheng E.* Hong Kong's Summer of Uprising: From Anti-Extradition to Anti-Authoritarian Protests // The China Review. 2019. Vol. 19. No. 4. P. 22.
34. LegCo General Election postponed for a year. URL: <https://www.info.gov.hk/gia/general/202007/31/P2020-073100898.htm> (дата обращения: 25.08.2020).
35. *Martin T.* Hong Kong Right of Abode: Ng Siu Tung & (and) Others v. Director of Immigration – Constitutional and Human Rights at the Mercy of China // San Diego International Law Journal. 2004. Vol. 5. P. 465–501.
36. *Pompeo M.* On the Postponement of Hong Kong's Legislative Council Elections. 1 August 2020. URL: <https://www.state.gov/on-the-postponement-of-hong-kongs-legislative-council-elections/>
37. *Sadowski M.* The Rule of Law, the Rule of Conflict? Hong Kong and Democracy – Past and Present Revisited // Revue quebecoise de droit international. 2019. P. 34. URL: <https://www.sqdi.org/wp-content/uploads/19-48-The-Rule-of-Law-The-Rule-of-Conflict-Hong-Kong-and-Democracy%E2%80%94Past-and-Present-Revisited.pdf> (дата обращения: 25.08.2020).
38. *Scartozzi C.* Political reforms vs. Undemocratic Institutional Arrangements in Hong Kong // Seoul National University Journal of International Studi-

- es. 2017. Vol. 2. P. 5. URL: https://mpa.ub.uni-muenchen.de/91325/1/MPPA_paper_91325.pdf (дата обращения: 25.08.2020).
39. *Shigong J.* China's Hong Kong: A Political and Cultural Perspective. Singapore, 2017. P. 151.
40. *Suksi M.* Sub-State Governance through Territorial Autonomy: A Comparative Study in Constitutional Law of Powers, Procedures and Institutions. Berlin, Heidelberg, 2011. P. 554, 555, 647.
41. *Tai B.* Judicial Autonomy in Hong Kong, 2010. P. 295, 310. URL: https://www.researchgate.net/publication/239770928_Judicial_autonomy_in_Hong_Kong (дата обращения: 25.08.2020).
42. *Tang R.* Internal Self-Determination as Democracy: A Case Study of Hong Kong. 2016. P. 10, 11. URL: https://www.academia.edu/29711974/Internal_Self-Determination_as_Democracy_A_Case_Study_of_Hong_Kong (дата обращения: 25.08.2020).
43. *Tin-bor Hui V.* Beijing's Hard and Soft Repression in Hong Kong. Published for the Foreign Policy Research Institute by Elsevier Ltd. 2020. P. 310. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7102642/> (дата обращения: 25.08.2020).
44. *Xiaobing X., Wilson G.* The Hong Kong Special Administrative Region as a Model of Regional External Autonomy // Case Western Reserve of International Law. 2000. Vol. 32. P. 6, 18, 35, 36. URL: <https://scholarlycommons.law.case.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1481&context=jil> (дата обращения: 25.08.2020).
45. *Xuanwei W.* A New Constitutional Order in Hong Kong: Managing Conflict Over the Interpretation of the Basic Law // Tsinghua China Law Review. 2009. Vol. 1. P. 162, 165.
46. *Ying-ho K.* The Growth of "Localism" in Hong Kong // China Perspectives. 2016. Vol. 3. P. 66. URL: <https://journals.openedition.org/chinaperspectives/7057>
47. *Yuen S., Cheng W.* Between high autonomy and sovereign control in a subnational island jurisdiction: The paradox of Hong Kong under "One Country, Two Systems" // Island Studies Journal. Vol. 15. P. 140.
48. *Zhu G., Kouroutakis A.* The Hong Kong Subconstitutional Model of Separation of Powers: The Case of Weak Judicial Review // Hong Kong Law Journal. 2017. P. 1, 3. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2967650 (дата обращения: 25.08.2020).
49. *Zhu H.* Beijing's "Rule of Law" Strategy for Governing Hong Kong // China Perspectives. 2019. No. 1. P. 23, 24, 32.
2. *Gudoshnikov L. M.* Hong Kong (Hong Kong): handbook. M., 2004. P. 162, 174 (in Russ.).
3. *Ivanov P. M.* Hong Kong: history and modernity. M., 1990. P. 198 (in Russ.).
4. *Irkhin I. V.* Constitutional and legal statuses of territorial autonomies in the states of the modern world (Europe, Asia, America): dis. ... Doctor of Law. Rostov n/D., 2019. P. 30, 254, 255 (in Russ.).
5. *Kozenko A.* Great Britain wants to give citizenship to residents of Hong Kong. For 30 years, she did everything to prevent this from happening. June 6, 2020 BBC News. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-52939704> (in Russ.).
6. *Kokarev K. A.* The political mechanism of China's special autonomies. M., 2004. P. 5 (in Russ.).
7. *Mikhailova M. Yu.* Federal intervention in foreign countries. M., 2005 (in Russ.).
8. *Novakova O., Balgabaeva G.* The constitutional and legal status of Hong Kong and Macau after joining the PRC // Asia and Africa Today. 2018. No. 10. P. 27 (in Russ.).
9. *Osavel'yuk A. M.* Constitutional Law of foreign countries: textbook for university students studying in the specialty 030501 "Jurisprudence"; in the scientific specialty 12.00.02 "Constitutional Law; Municipal Law". M., 2010 (in Russ.).
10. *Petrykina N. I., Tyurina D. D.* Non-traditional model of administrative autonomy of the People's Republic of China – Hong Kong. The view of a Russian researcher // Administrative Law and process. 2019. No. 3. P. 4, 5 (in Russ.).
11. *Samozhnev A.* The Chinese Parliament has extended the powers of the Legislative Assembly of Hong Kong. URL: <https://rg.ru/2020/08/11/parlament-kitaia-prodlil-polnomochiia-zakonodatel'nogo-sobraniia-gonkonga.html> (accessed: 25.08.2020) (in Russ.).
12. *Troshchinsky P. V.* Legal system of China. M., 2016. P. 341, 342 (in Russ.).
13. *Troshchinsky P. V.* Modern legal system of Hong Kong // Proceedings of the ISL RAS. P. 197 (in Russ.).
14. *Chirkin V. E.* The territorial organization of public power. M., 2017. P. 138, 141 (in Russ.).
15. *Cardinal P., Zhang Y.* Subnational Constitutionalism in the Sars of the People's Republic of China. An Exceptional Tailored Model // Perspectives on Federalism. 2012. Vol. 3. P. 103, 133, 134.
16. *Castellucci I.* Legal Hybridity in Hong Kong and Macau // McGill Law Journal ~ Revue de droit de McGill. 2012. Vol. 57:4. P. 668–720.
17. *Chan C.* Reconceptualising the Relationship between the Mainland Chinese Legal System and the Hong Kong Legal System // Asian Journal of Comparative Law. 2011. Vol. 6. P. 5.

REFERENCES

1. *Grigonis E. P., Grigonis V. P.* Constitutional Law of foreign countries. M. [et al.], 2006 (in Russ.).

18. *Chan J.* Basic Law and Constitutional Review: The First Decade // *Hong Kong Law Journal*, 2007. P. 407. URL: <https://hub.hku.hk/bitstream/10722/87975/3/content.pdf?accept=1> (accessed: 25.08.2020).
19. *Chen A.* The Theory, Constitution and Practice of Autonomy: the Case of Hong Kong. P. 7, 9.
20. *Cheung A.* From Colony to Special Administrative Region: Issue of Hong Kong's Autonomy within a Centralized State // *Law and Politics in Africa, Asia and Latin America*. 1998. Vol. 31. No. 3. P. 305.
21. *Chou B.* Local Autonomy in Action: Beijing's Hong Kong and Macau Policies // *Journal of Current Chinese Affairs*. 2013. No. 3. P. 35, 36. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/186810261304200303> (accessed: 25.08.2020).
22. *Cullen R.* The Rule of Law in Hong Kong. Civil Exchange, 2005. P. 17. URL: https://www.academia.edu/5156780/Rule_of_Law_in_Hong_Kong
23. *Eagleton J.* Rhetorical Ambiguity, Democracy and Political Chang: The Contradictions of the Hong Kong Political System // *Contrastes. Revista Internacional de Filosofia, Suplemento*. 2015. Vol. 20. P. 90, 91.
24. *Flaherty M.* Hong Kong Fifteen Years after the Handover: One Country, Which Direction? // *Columbia Journal of Transnational Law*. 2013. Vol. 51. P. 277, 278.
25. *Ghai Y.* Hong Kong's New Constitutional Order: The Resumption of Chinese Sovereignty and the Basic Law. 2nd ed. Hong Kong, 1999. P. 139, 140, 184, 326.
26. *Gittings D.* What will happen to Hong Kong after 2047? // *California Western International Law Journal*. 2011. Vol. 42. No. 1. P. 40.
27. *Goncalves A.* A Paradigm of Autonomy: The Hong Kong and Macau SARs // *Contemporary Southeast Asia*. 1996. Vol. 18. No. 1. P. 46.
28. *Goncalves A.* Hong Kong and Macau Special Administrative Regions: The Downfall of The "One Country, Two Systems" Policy // *International Journal of Humanities and Social Science*. 2019. Vol. 9. No. 10. P. 14.
29. *Hargreaves S.* Online Monitoring of 'Localists' in Hong Kong: A Return to Political Policing // *Surveillance & Society*, 15 (3/4). P. 426.
30. *Jhaveri S., Scully-Hill A.* Executive and legislative reactions to judicial invalidity in Hong Kong: Engagement, acceptance or avoidance // *International Journal of Constitutional Law*. 2015. Vol. 13. Issue 2. P. 507, 510.
31. *Jhaveri S.* Reconstitutionalizing Politics in the Hong Kong Special Administrative Region of China // *Asian Journal of Comparative Law*. 2018. Vol. 13 (1). P. 6, 44.
32. *Krebs J.* One Country, Three Systems? Judicial Review in Macau after Ng Ka Ling // *Washington International Law Journal*. 2000. Vol. 10. No. 1. P. 115.
33. *Lee F., Yuen S., Tang G., Cheng E.* Hong Kong's Summer of Uprising: From Anti-Extradition to Anti-Authoritarian Protests // *The China Review*. 2019. Vol. 19. No. 4. P. 22.
34. LegCo General Election postponed for a year. URL: <https://www.info.gov.hk/gia/general/202007/31/P2020073100898.htm> (accessed: 25.08.2020).
35. *Martin T.* Hong Kong Right of Abode: Ng Siu Tung & (and) Others v. Director of Immigration – Constitutional and Human Rights at the Mercy of China // *San Diego International Law Journal*. 2004. Vol. 5. P. 465–501.
36. *Pompeo M.* On the Postponement of Hong Kong's Legislative Council Elections. 1 August 2020. URL: <https://www.state.gov/on-the-postponement-of-hong-kongs-legislative-council-elections/>
37. *Sadowski M.* The Rule of Law, the Rule of Conflict? Hong Kong and Democracy – Past and Present Revisited // *Revue quebecoise de droit international*. 2019. P. 34. URL: <https://www.sqdi.org/wp-content/uploads/19-48-The-Rule-of-Law-The-Rule-of-Conflict-Hong-Kong-and-Democracy%E2%80%94Past-and-Present-Revisited.pdf> (accessed: 25.08.2020).
38. *Scartozzi C.* Political reforms vs. Undemocratic Institutional Arrangements in Hong Kong // *Seoul National University Journal of International Studies*. 2017. Vol. 2. P. 5. URL: https://mpr.ub.uni-muenchen.de/91325/1/MPPA_paper_91325.pdf (accessed: 25.08.2020).
39. *Shigong J.* China's Hong Kong: A Political and Cultural Perspective. Singapore, 2017. P. 151.
40. *Suksi M.* Sub-State Governance through Territorial Autonomy: A Comparative Study in Constitutional Law of Powers, Procedures and Institutions. Berlin, Heidelberg, 2011. P. 554, 555, 647.
41. *Tai B.* Judicial Autonomy in Hong Kong, 2010. P. 295, 310. URL: https://www.researchgate.net/publication/239770928_Judicial_autonomy_in_Hong_Kong (accessed: 25.08.2020).
42. *Tang R.* Internal Self-Determination as Democracy: A Case Study of Hong Kong. 2016. P. 10, 11. URL: https://www.academia.edu/29711974/Internal_Self_Determination_as_Democracy_A_Case_Study_of_Hong_Kong (accessed: 25.08.2020).
43. *Tin-bor Hui V.* Beijing's Hard and Soft Repression in Hong Kong. Published for the Foreign Policy Research Institute by Elsevier Ltd. 2020. P. 310. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7102642/> (accessed: 25.08.2020).
44. *Xiaobing X., Wilson G.* The Hong Kong Special Administrative Region as a Model of Regional External Autonomy // *Case Western Reserve of International Law*. 2000. Vol. 32. P. 6, 18, 35, 36. URL: <https://scholarlycommons.law.case.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1481&context=jil> (accessed: 25.08.2020).

45. *Xuanwei W.* A New Constitutional Order in Hong Kong: Managing Conflict Over the Interpretation of the Basic Law // *Tsinghua China Law Review*. 2009. Vol. 1. P. 162, 165.
46. *Ying-ho K.* The Growth of “Localism” in Hong Kong // *China Perspectives*. 2016. Vol. 3. P. 66. URL: <https://journals.openedition.org/chinaperspectives/7057>
47. *Yuen S., Cheng W.* Between high autonomy and sovereign control in a subnational island jurisdiction: The paradox of Hong Kong under “One Country, Two Systems” // *Island Studies Journal*. Vol. 15. P. 140.
48. *Zhu G., Kouroutakis A.* The Hong Kong Subconstitutional Model of Separation of Powers: The Case of Weak Judicial Review // *Hong Kong Law Journal*. 2017. P. 1, 3. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2967650 (accessed: 25.08.2020).
49. *Zhu H.* Beijing’s “Rule of Law” Strategy for Governing Hong Kong // *China Perspectives*. 2019. No. 1. P. 23, 24, 32.

Сведения об авторе

ИРХИН Игорь Валерьевич —
доктор юридических наук, старший научный
сотрудник Кубанского государственного
университета; 350040 г. Краснодар,
ул. Ставропольская, д. 149

Authors' information

IRKHIN Igor V. —
Doctor of Law, senior researcher, Kuban state
University; 149 Stavropolskaya str.,
350040 Krasnodar, Russia